

Н. В. ВОДОВОЗОВ

**Былина Кириши Данилова о Волхе и древние русско-индийские
 отношения**

Несмотря на большое количество исследований, посвященных изучению былины о Волхе Всеславиче, многое в ней остается еще невыясненным. Можно считать общепризнанным в науке мнение о древнем происхождении этой былины. Однако представители мифологической школы видели в образе богатыря Волха фигуру мифологическую, усматривая в факте рождения Волха от Змея намек на древний новгородский миф о происхождении реки Волхова от Змея, засевшего на месте речного пути,¹ а представители школы заимствования проводили аналогию между образом Волха и богом Индрой — покровителем охоты² или же сравнивали Волха с германским Ортнитом.³ Наконец, представители так называемой исторической школы в русской дореволюционной науке весьма искусно, но и довольно искусственно отождествляли былинного Волха с древнерусским князем Олегом вешим⁴ или даже с княгиней Ольгой,⁵ выискивая в древнейших летописных сказаниях общие черты с рассматриваемой былинной.

Образ былинного Волха привлек внимание и зарубежных исследователей. Так, в книге «Russian epic studies» (Philadelphia, American Folklore Society, 1949 (= Memoirs of the American Folklore Society, v. 42, 1947)) появилась статья двух авторов Р. Якобсона и М. Шефтеля (Roman Jakobson and Marc Szeftel) «The Vseslav epos». Путем сопоставления текста былины с текстом Повести временных лет и «Слова о полку Игореве» авторы статьи приходят к выводу, что эти источники сохранили в близкой друг другу передаче следы древнерусского эпоса о полоцком князе Всеславе, известном в качестве князя-оборотня (werewolf). Оба названных автора в своем исследовании методологически идут по пути М. Г. Халанского, утверждавшего, «что былина о Волхе Всеславьевиче совпадает в некоторых чертах с древними сказаниями о князе Всеславе Полоцком, отразившимися в „Слове о полку Игореве“». ⁶ Правда, в отличие от М. Халанского американские ученые привлекли дополнительный материал из летописи и пришли к заключению, что сохранившиеся в русской письменности XII в. и в устной народно-поэтической традиции сведения о князе-оборотне позволяют предполагать существование особого древнерусского эпоса о полоцком князе Всеславе.

¹ Ф. Буслаев. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887, стр. 32—35.

² О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 202.

³ А. Веселовский, ЖМНП, 1890, № 3, стр. 24—26.

⁴ М. Халанский, ЖМНП, 1902, № 8; 1903, № 11.

⁵ С. Шамбинаго, ЖМНП, 1905, № 11.

⁶ М. Халанский. Южнославянские сказания о королевиче Марке. Варшава, 1893, стр. 56.

Несколько позднее Р. Якобсон и Г. Ружишич (Сojko Ružičić) опубликовали статью «The Serbian Zmaj Ognieni Vuk and the Russian Vseslav Epos»,⁷ в которой сопоставили русскую былинную и сербскую народную песню. Статья представляет интерес тем, что в ней на фактическом материале показаны общеславянские фольклорные традиции и связи.

Мнение о том, что в былинном образе Волха отразились некоторые черты биографий древнерусских князей, поддерживается также и некоторыми советскими учеными. Например, Д. С. Лихачев пишет: «Образ Вольги, князя-кудесника, весьма древний... К таким князьям-кудесникам в сравнительно уже позднюю эпоху причислялись двое князей — Олег Вещий в X веке и Всеслав Полоцкий во второй половине XI века. Их обоих, а может быть и еще кого-нибудь третьего, и соединил в своем образе былинный Вольга».⁸

Иную точку зрения на образ Волха-Вольги высказал В. Я. Пропп в работе «Русский героический эпос». В. Я. Пропп пишет: «Рождение Волха... каким оно является в былине, сохраняет древнейшие тотемистические представления восточных славян о животных как о предках человека и о возможности рождения великого охотника и волхва непосредственно от отца-животного». Вслед за тем, подводя итог своему изучению былины о Волхе, исследователь делает следующее заключение: «древнейшая основа песни о походе Волха — песня о набеге первоначально в поисках охотничьих угодий, позднее в целях угона скота. И начальник дружины и сама дружина — охотники, питающиеся и одевающиеся охотой. Набег носит хищнический характер: все население перебивается, скот и имущество распределяется между победителями. Между ними же распределяются женщины, и победители не возвращаются, а остаются жить на занятых местах... Позднее народом была сделана попытка приурочить этот поход к позднейшим историческим интересам народа. Волх был представлен защитником Киева (теперь он мог получить имя Вольги и отчество Всеславевича), его противник приобретает либо сказочно-фантастическую окраску, превратившись в индейского царя, либо мнимоисторическую — царя Золотой Орды или туредкого султана. Однако эта попытка не была доведена до конца, осталась незавершенной, и песня о Волхе-Вольге, была почти забыта и заброшена».⁹

Приведенные выводы исследователя интересны, но, в сущности, ничем не подкреплены. Попытка объяснить рассказ былины о чудесном рождении Волха древнейшими тотемистическими представлениями восточных славян о животных как о предках человека мало чем отличается от подобных же произвольных попыток представителей мифологической школы показать связь каждого былинного сюжета с мифологическими представлениями русского народа. Нельзя согласиться с В. Я. Проппом и в том, что данная былина первоначально была песней о хищническом набеге и лишь потом приурочена народом к его позднейшим историческим интересам. Во-первых откуда взял исследователь первоначальный вид этой песни? Может быть, его никогда и не было? Нельзя же строить исследование на сконструированных самим исследователем фактах! Во-вторых, о каких позднейших исторических интересах народа можно говорить, если исследователь утверждает, что поход Волха был направлен либо против

⁷ Extrait de l'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Historie Orientales et Slaves, tome X (1950), Mélanges Henri Grégoire, II.

⁸ Русское народное поэтическое творчество, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 200—201.

⁹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 72.

сказочно-фантастического противника, либо против мнимоисторического. Не пытаюсь разобраться в этих противоречиях, В. Я. Пропп находит простейший выход, объявив рассматриваемую былинку незавершенной, неудачной, а потому почти забытой и заброшенной.

Но последнее утверждение исследователя противоречит общеизвестным фактам. Былина о походе Волха-Вольги дошла до нас в восьми полноценных записях. При этом первая запись была сделана уже в XVIII в., а последняя — в XX в. О каком же забвении былины может идти речь? Правда, лишь в двух из этих восьми записей говорится о походе Волха против индийского царя, в остальных противником Вольги является либо царь Золотой Орды, либо турецкий султан. В. Я. Пропп рассматривает все эти записи как варианты одного и того же былинного сюжета. Мне это кажется неправильным. Во всяком случае вызывает недоумение отнесение В. Я. Проппом былинного царя Золотой Орды или турецкого султана к числу «мнимоисторических образов». От Батыев до Ахмата на протяжении двухсот пятидесяти лет цари Золотой Орды задумывали и совершали грабительские походы на Русскую землю. То же следует сказать и о турецких султанах. Если в былине изображается татарский царь или турецкий султан в момент обдумывания им нападения на Русское государство, то это никак нельзя признать фактом мнимоисторическим.

Но не больше оснований признать сказочно-фантастическим и образ индийского царя в былине. Для этого лишь надо обратиться к содержанию былины о Волхе, отбросив произвольное предположение о «незавершенности», «неудачности» былины или о ее якобы первоначальном виде. Право, мы не погрешим против истины, если признаем былинку о Волхе из сборника Кирши Данилова вполне законченной, художественно целостной, единой по своему замыслу и очень значительной по своему содержанию в общей системе русского народного эпоса.

Прежде всего посмотрим, к какому историческому периоду может быть отнесен образ индийского царя, о котором говорит былина. Этот индийский царь носит отнюдь не индийское имя Салтыка Ставрुльевича, о нем сказано, что он «буйной головы Батыевич». Имя царя «Салтык» произведено от татарского слова salt — «нрав», «обычай», отчество «Ставрульевич» — от имени Хоставрула, шурина хана Батыев, известного нам по памятникам русской письменности XIII в. Чтобы сделать аналогию между царем Салтыком и Батыем еще более ясной, былина называет Салтыка Ставрульевича «буйной головой Батыевичем». Итак, былина очень хорошо знает, о каком именно индийском царе она говорит. Это татарский завоеватель, подобный Батыю (очевидно, по жестокости и по размаху завоеваний). Он хорошо памятен русскому народу. Былина знает, что он собирается из Индии «Русь воевать», и былина, исполненная высокого патриотического чувства, сурово предупреждает его, что на Руси «родился могуч богатырь, тебе царю сопротивничек».

Историческая ситуация, раскрытая в былине о Волхе, настолько ясна, что не представляет особых трудностей для отнесения ее к определенной эпохе. Вспомним, что в конце XIV столетия Русской земле угрожал один из наиболее свирепых тюрко-татарских завоевателей, известный в памятниках русской письменности под именем Темир-Аксака, а по зарубежным источникам под именем Тамерлана.

Первое столкновение русского народа с Тамерланом произошло в 1395 г. Разгромив 15 апреля этого года на реке Терекке войска золотоордынского хана Тохтамышша, Тамерлан двинулся на север, сначала к Дону, а затем далее, в пределы Руси. Восточные историки Низам-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Али Иезди сообщают, что Тамерлан вторгся в область

города Машкав, т. е. Москвы, совершив там огромное опустошение. Это сообщение восточных историков не совсем точно, но представляет большой интерес именно своей неточностью. На самом деле, по свидетельству русских летописей, Тамерлан вторгся в Рязанское княжество и захватил город Елец «и князя Елецкого пойма, и люди плени, а иных изби». ¹⁰ Хотя в конце XIV столетия Рязанское княжество было независимо от Москвы, но после победы Дмитрия Донского над Мамаем в 1380 г. в глазах не только русских патриотов, но всех чужестранцев Москва являлась общепризнанным центром всей Русской земли. Вот почему нападение Тамерлана на Рязанское княжество было воспринято современным арабским историком как нападение на одну из областей Москвы.

Московский великий князь Василий Дмитриевич (сын Дмитрия Донского), узнав о захвате Ельца войсками Тамерлана, немедленно выступил с большим ополчением к городу Коломне и занял все переправы через Оку, чтобы преградить путь свирепому завоевателю на север. Однако Тамерлан неожиданно уклонился от сражения и повернул назад. Возможно, полученные им сведения о разгроме русскими войсками патнадцать лет тому назад всех сил Золотой Орды на Куликовом поле послужили хорошим предостережением для Тамерлана, и он не захотел рисковать своим войском в то время, когда его смертельный враг, хан Тохтамыш, еще не был окончательно уничтожен.

Зимой 1395 г. Тамерлан предпринял новый поход. Пройдя по льду Волгу, он внезапно захватил Астрахань и, выселив из нее жителей, поджег город. После этого он двинулся к столице Золотой Орды — Сарая Берке и, взяв ее, отдал своим воинам на полное разграбление. Город был преднамеренно и обдуманно выжжен дотла и полностью уже никогда не восстанавливался. В XIX в. во время раскопок Сарая Берке русскими археологами были обнаружены следы огромного пожара, охватившего многие городские кварталы.

Русские летописи, внимательно следившие за всеми действиями Тамерлана и часто осведомленные в них лучше арабских писателей, сообщают много подробностей. Русский народ, переживший ужасы первого Тамерланова нашествия, с напряженным ожиданием следил за каждым новым шагом мирового завоевателя, готовясь к героической защите родной земли.

Лучшими осведомителями во всем, что касалось действий Тамерлана, могли быть русские купцы, проживавшие в Самарканде или приезжавшие туда по своим торговым делам. Насколько существенны могли быть сведения, передаваемые купцами, о подготавливавшихся враждебных действиях против Русской земли, можно судить по рассказу русской летописи о том, как хан Тохтамыш, готовя свое вторжение на Русь, прежде всего позаботился, чтобы никто не принес «вести на Русьскую землю о его приходе, того бо ради вси гости Руськыи поимани быша и пограблени и удержани, дабы не было вести Руси, но абаче суть неции доброхоты на пределах ординьских на то устроени поборницы суще земли Русьской». ¹¹

О наличии широко развитой русской торговли со странами Средней Азии свидетельствует кастильский посол при дворе Тамерлана Рюи Гонсалес де Клавихо, который сообщает, что в 1404 г. он встречал русских купцов на улицах и базарах Самарканда. Естественно, эти купцы, будучи «доброхотами», специально посланными для соблюдения русских интересов, должны были сообщать о завоевательном походе Тамерлана в Индию

¹⁰ ПСРЛ, т. XI СПб., 1897, стр. 159

¹¹ ПСРЛ, т. VI СПб., 1853, стр. 99

в 1398—1399 гг. От этих купцов на Руси могли узнать, что в декабре 1398 г. Тамерлан после кровопролитной битвы занял индийский город Дели, подвергнув его неслыханному разграблению. А затем, в 1399 г., войска тюркско-татарского завоевателя достигли берегов Ганга, сметая на своем пути города Индии и уничтожая население этой страны.

Узнать новые планы врага, находившегося в Индии, но готового в любое время вернуться из этой далекой страны для новых опустошений в Русскую землю, было конечно очень важно тогда для русского народа. Народное поэтическое творчество в художественной форме былины выразило патриотические чувства русских людей. Былина призывала быть готовыми к вражескому нашествию, она выражала уверенность в силах русских людей, способных справиться с любым захватчиком, она предупреждала врага о неминуемой гибели, если он осмелится пойти войной на Русскую землю.

Таков смысл превосходной русской былины о походе быгатыря Волха против Салтыка Ставрुльевича, захватническим путем ставшего индийским царем. Остановимся еще на некоторых подробностях былины. В ней, например, указывается на участие в замыслах индийского царя его жены, царицы Азвяковны. Это довольно редкий случай в русских былинах, где обычно враждебные русскому народу цари действуют без женских советов. Но вот у Низам-ад-дина Шами мы встречаем сообщение о том, что Тамерлан, отправляясь в 1391 г. в поход против Тохтамыша, отослал всех своих жен и царевен в Самарканд, а любимую жену Чулпан Мелик-агу взял с собою. Это сведение об участии жены Тамерлана в его военном предприятии, возможно, находится в какой-то связи с рассказом русской былины об участии царицы Азвяковны в обсуждении военных захватнических планов ее мужа, Салтыка Ставрुльевича.

Необходимо также остановиться на заключительных стихах былины, в которых говорится, что Волх, победив индийского царя, приказывает своей дружине ходить по его царству и рубить «старого, малого», никого не оставляя «на семена». Что здесь речь идет не об индийском населении, ясно уже из того, что после исполнения его сурового приказа Волх делается сам индийским царем. Над кем же он стал бы царствовать, если все население страны было бы уничтожено его дружиной? Единственным объяснением указанного места былины может быть только одно: Волх приказывает своей дружине уничтожать всех воинов Салтыка Ставрульевича, от старого до малого, т. е. от старшего по чину до самого младшего. А это должно было отвечать также и интересам трудового индийского народа, в полной мере испытавшего тяжесть нашествия тюркско-татарских завоевателей.

Таким образом, в былине Кирши Данилова о Волхе мы имеем дело не со сказочно-фантастическими персонажами, а с отражением древних русско-индийских связей, свидетельствующих об исторической общности интересов русского и индийского народов, одинаково испытавших в конце XIV в. кровавое нашествие одного из самых жестоких мировых завоевателей.